

С. НАГОРНЫЙ

Концерт Ильинского

Сюда, в Сталино, приехал Игорь Ильинский, и сегодня его концерт.

В вестибюле гостиницы «Донбасс» он разговаривает с несколькими знакомыми актерами из Театра революции...

В последний раз жители города Сталино видели его в фильме «Волга — Волга». Он был в «тихоокеанских галифичах», как называл Маяковский эти фантастические штаны, заимствованные бюрократами у земгусаров. На нем была рубашка с неисчислимыми пуговицами, краги бутылкою, и в руке — портфель. Костюм его должен был вызывать трепет и робкое почтение. Гражданин Бывалов жестикулировал, — казалось, он мнит себя едва ли не полководцем. Он произносил речь. Приветствовал — снисходительно и благосклонно. Наконец — грозил...

А зритель в темноте зала смеялся. В тысячный раз показывали бюрократа, и все же Ильинский был в этой роли самобытным и никого не повторял, разве только Присыкина, которого когда-то сыграл тот же Ильинский. В конце концов Бывалова можно было изобразить чудачком, недалеким и тщеславным неудачником, безвредным, добродушным маленьким человеком. Но Ильинский играл Бывалова так, словно у него с ним давние счеты. Можно сказать, что он играл его жестко, зло. Так некогда он играл ничтожного и гаденького Расплюева. Это не юмор, это — сатирическое пристрастие.

В костюме Бывалова Ильинский казался более грузным, квадратным, чем сейчас, когда он приятельски беседует с актерами, случайно встретившимися с ним на перекрестке дорог в Сталино, в го-

И. Ильинский

стинице «Донбасс». Ильинский выглядит значительно моложе своих лет. Только седина неумолима. Против нее не помогают ни теннис, ни режим спортсмена...

Через час Ильинский взобрался на низенький помост, где стоял рояль и стул, — больше ничего не было, ни падути, ни кулис, ни даже занавеса. Помост вышиною в полметра, площадью не больше платформы пятитонки, сильный свет, со всех сторон устремленный к центру по-

моста, и две тысячи глаз, которые будут смотреть весь вечер только на актера, — ни музыки, ни декораций, ни партнеров! Он взобрался на помост быстрыми шагами, поклонился на аплодисменты, начал всматриваться в публику и, должно быть, для того, чтобы лучше ее увидеть, подошел к самому краю площадки — сидящий в первом ряду мог, не вставая, позвать его руку. Он был без грима, в костюме, в котором можно ездить в трамвае или сидеть в зрительном зале театра, не вызывая ничьего внимания. Выход его прост. Конферансье, объявлявший концерт, был более театрален. Это вышел Ильинский, а не комик Игорь Ильинский. И тот, кто видел Ильинского в коротких штанах Брюно из «Великодушного рогоносца», кто смотрел, как он «играл вещами» в «Лесе» и в «Клопе», кто привык к Ильинскому, «обставленному» бутафорией, сопровождаемому музыкой, окруженному партнерами, — подумал:

— Что же он будет делать один?

Концерт был в большой аудитории Индустриального института. Прямо от края помоста вверх, до головокружительной высоты, уходили ряды парт. За ними сидели зрители. Актер был один, сверху он казался маленьким. Он был весь на виду. Зрители могли заметить, что у артиста пушистые рыжеватые брови, что знаменитая ямочка на подбородке существует в действительности, они могли увидеть крапинки на его галстук и услышать скрип половицы его ботинок.

Термин «чтение» может быть применен лишь условно к тому, что делает Ильинский. Правильнее говорить — игра, испол-

нение. Он объявил: «Сказка о золотом петушке», и мы увидели на пустом помосте пугатые и расписные терема, мы увидели царя Дадона, такого натурального и так хорошо нарисованного. Потом Ильинский играл труса из чеховского рассказа «Пересялил». Тряслась, на ухабах телега, та самая телега, у которой «не разберешь, где у нее зад, где перед...», была ночь, темная, морозная. И землемер Глеб Гаврилович Смирнов, мученически перенося тряску, стуча зубами от страха, горючил чорт знает какую чепуху о разбойниках, о револьверах, об урядниках, которые «езде по дороге за кустиками понатыканы...»

Еще он представлял крыловскую моську, тывающую на слона, а также хавронью из басни «Свинья».

Удивительный мимист, он делал нечто необыкновенное, чудесное. Это было как в мультипликационном фильме: половина лица еще принадлежит Ильинскому, а другая — уже кошачья. Вдруг оказывается, что у артиста есть выдвижная челюсть — широкая, тяжелая, грубая. Она появляется лишь на одну минуту — актер произносит несколько слов, принадлежащих жирному и тупому животному.

Десять произведений, исполненных за один вечер, десять спектаклей, разыгранных на пустом помосте без грима и музыки, без партнера и декораций. Целая галерея типов, серия законченных портретов, которые, быть может, навсегда запомнятся зрителю.

«Долой искренность!» — вот лозунг, украшавший некую театральную колесницу, к которой много лет привязывали Ильинского. Не было связи более случайной и иллюзорной, чем та, которая соединяла актера Ильинского с идеями формалистского театра. Давно-давно, рассказывая о своей работе в Первом театре для детей (он играл там в пьесе «Маугли» восхитительного медведя Балзу), Ильинский

говорил: «Что мне дала работа в детском театре? Первое: с тех пор — играю ли я на сцене, выступаю ли на эстраде, снимаюсь ли в кино — я всегда работаю только для той части зрителей, которые сохранили непосредственность восприятия. И второе: как актер, я всегда стремлюсь дать своему зрителю искусство, пронизанное предельной искренностью и детской непосредственностью».

Ни в кино, ни в театре реализм игры Ильинского не проявляется так ясно, как на эстраде. И в то же время он на эстраде — во всеоружии своей блестящей техники. Зритель не знает, какая большая работа предшествует исполнению даже самой маленькой басни. Зритель видит, что актер смело и нестесненно играет, он видит непринужденность и непосредственность исполнения. Между тем строгий художник запретил себе раз и навсегда импровизировать. У маленькой пьески, которую разыгрывает актер, читая стихок Маршака или рассказ Чехова, есть подробная партитура. Автор ее — Ильинский.

Мы говорили с Ильинским о жанре художественного чтения. Оказывается, здесь многое спорно.

— Нужны ли на эстраде такие чтецы, которые стараются спрятать себя за авторским текстом? Это сомнительно. Что получает зритель от такого чтения дополнено, сверх того, что он сам найдет у писателя? Пушкин не нуждается в громкоговорителе, — говорил Ильинский. — Чтец есть актер, а не звучащий приф, которым набран авторский текст. Я хочу быть для аудитории не диктором, а переводчиком. Перевожу я с литературного языка на сценический.

— Однако чем же тогда объяснить успех у публики чтецов, которые придерживаются манеры так называемого литературного чтения? Они не играют, не инсценируют...

— Они, конечно, играют... Но играют

они мало. Представьте себе — пели стихотворение. Он воспользовался этим рядом приемов, присущих поэтическому творчеству, — создал ритм, ритмом словами нарисовал образ. Теперь пришел актер. Он хочет прочитать стихотворение. Он вдумывается в него, переживает. «Душа» поэта, которая вошла в стихи, стала теперь уже и «душой» актера. Он выходит на сцену. Здесь он должен воспользоваться своими средствами выражения, такими приемами, которых нет у поэта. Это приемы актерской игры. Ими он обогащает произведение поэзии. Они и дают то дополнительное, что получает зритель, когда смотрит в исполнении артиста знакомое, быть может с детства, произведение.

— Что привлекает вас на эстраду? — На это можно ответить так: привлекает меня на эстраду большая ответственность. Тут никуда не спрячешься. Это разговор со зрителем как бы с глазу на глаз. Поэтому нужно быть очень строгим к себе. Нигде так не развивается самоконтроль, как на эстраде. Уже давно эстрада для меня не средство заполнять паузы в театральном сезоне, а нечто очень важное для моего развития, как актера. Чистоте и точности жеста, филигранной отделке приемов я больше всего учусь, когда готовлю что-либо для своего «чтецкого» репертуара...

Назавтра Ильинский снова выступал в Сталино. А через два дня он вылетел в Мариуполь. Закончилось его путешествие по Донбассу. Я видел, как принимала Ильинского донбасская публика. Это был большой успех — зритель любит хорошую, строгую и талантливую работу.

СТАЛИНО. (От наш. корр.).